

Вс. С. Соловьев — Ф. М. Достоевскому

28 декабря 1872 г.

Милостивый Государь,

Федоръ Михайловичъ,

Я пишу Вамъ, потому что боюсь несовладѣть съ собою, боюсь смутиться передъ Вами. Я могъ бы съ весьма достаточными рекомендаціями быть Вамъ представленнымъ, я могъ бы самымъ приличнымъ и общепринятымъ путемъ добиться того, чтобъ Вы считали меня въ числѣ Вашихъ знакомыхъ, могъ бы, время отъ времени улучая минутки, высказать Вамъ то, что мнѣ хочется высказать; но вѣдь это было бы такъ долго, а я и такъ уже нѣсколько лѣтъ жду случая говорить съ Вами. Я только что узналъ, что Вы здѣсь и спѣшу писать, покуда хватаетъ храбрости.

Меня зовутъ Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьевъ; я выросъ въ Москвѣ, въ домъ отца моего (автора Исторіи Россіи) и нѣту еще трехъ лѣтъ какъ окончилъ курсъ кандидатомъ правъ въ Московскомъ Университетѣ. По окончаніи курса я перѣехалъ въ Петербургъ и служу во II Отдѣленіи Собственной Канцеляріи.

Вы играете въ моей жизни громадную роль — бываютъ минуты, когда я дышу Вами. Какъ часто обращался я къ Вамъ за рѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ — и Вы всегда отвѣчали мнѣ; бывали случаи, когда я додумывался до нѣкоторыхъ мыслей, неимѣя, однако, силы выразить ихъ словами, и потомъ находилъ эти мысли въ твореніяхъ Вашихъ, выраженными Вашимъ могучимъ словомъ. Однажды, это было во время <л. 1> моего студенчества, въ нашемъ кружкѣ зашелъ споръ и, развертываясь, коснулся религіи. Вся эта молодежь носилась съ своимъ позитивизмомъ и, на основаніи выводовъ современной философіи, отвергала то, что отвергать невозможно. Я пробовалъ говорить сначала; но скоро понялъ, что слова мои безсильны и молчалъ до окончанія спора; мнѣ было ихъ жалко, я смотрѣлъ какъ горѣли ихъ глаза, какъ они ставили послѣ своихъ фразъ точки выразительными жестами, какъ они насканивали другъ на друга, перебивали другъ друга... — и мнѣ казалось, что во всемъ этомъ было одно только внѣшнее, т. е. блистаніе глазъ, выразительные жесты, насканиванье и перебиванье, а внутренняго ровно ничего небыло, были краски; но звуковъ небыло. Они спросили меня, отчего я молчу и я отвѣчалъ: «Оттого, что нельзя говорить съ вами, оттого, что вы сами не знаете, что говорите, хотите говорить объ одномъ, а говорите о другомъ, совсѣмъ о другомъ и все, что вы говорите — совсѣмъ не то и не имѣетъ съ тѣмъ ничего общаго». «Вотъ это мило, закричали они; за неимѣніемъ въ головѣ чего нибудь дѣльнаго сказать чортъ знаетъ что и воображать, что это очень эффектно выходитъ». Я ушелъ отъ нихъ обвиненный въ глупости и всю ночь думалъ, думалъ и все же приходилъ къ тому заключенію, что они говорятъ окончательно не объ томъ. Недѣли черезъ три я получилъ только что вышедшій № Русскаго Вѣстника, въ которомъ Вы подтвердили мою мысль и сказали почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ то, что

я говорилъ имъ. Я понесъ имъ этотъ №, прочелъ слова Ваши, они сказали: «Ну, и радуйся». И я дѣйствительно радовался всей моей радостью.

Васъ ставятъ въ числъ лучшихъ русскихъ писателей, на Преступленіе и Наказаніе указываютъ какъ на одно изъ первыхъ произведеній за послѣднее время — да; но все же оцѣнка Вашего таланта еще впереди; Вы еще не поняты какъ слѣдуетъ русскимъ обществомъ, <д. 1 об.> оно еще недоросло до этого пониманія и слушаетъ слова Ваши широко раскрывъ глаза, въ недоумѣніи и смущеніи. Отчего же имъ трудно понимать Васъ? Оттого, что Вы далеки отъ сентиментальныхъ мечтаній, оттого, что Вы съ горячими слезами и горькимъ смѣхомъ; но твердою рукою до мельчайшихъ подробностей анатомируете душу человѣка и душу общества, оттого, что Вы останавливаетесь надъ такими явленіями, замѣтитъ которыя можетъ только человѣкъ, думающій надъ тѣмъ, что творится кругомъ него и въ немъ, а громадное большинство людей ни надъ чѣмъ незадумывается, живетъ зря, неимѣетъ никакихъ убѣжденій и если и говоритъ, и споритъ какъ будто по убѣжденію, то это только такъ, разговоры разговариваетъ, скажетъ, что скажется, подумаетъ, что подумается въ извѣстную минуту, а завтра, при другихъ обстоятельствахъ, скажетъ пожалуй совсѣмъ другое, и подумаетъ другое. Но относительно думанья, часто совсѣмъ ничего неподумаетъ, а говоритъ чужія, въ большинствѣ случаевъ, печатныя слова, к<ото>рыя вспомнятся въ эту минуту. И такъ день за днемъ, годъ за годомъ, идетъ себѣ пока идется; развѣ что понытъ да поглумитъся надъ собою — вотъ это ужасно любятъ русскіе, особенно печатающіеся, люди; и поглумитъся не между своими, не въ сторонкѣ, а всенародно; если можно, то передъ цѣлою Европой и Америкой побить себя по щекамъ, поплевать на себя и доказывать, что всѣ мы, сыны Россіи, безнадежные дураки, подлецы и воры и будемъ такими до скончанія вѣка. Но что всего противнѣе, такъ это то, что каждый изъ этихъ вертящихся дервишей говоря: мы непремѣнно увѣренъ, что въ «мы» онъ неприсутствуетъ и говоритъ это «мы» вмѣсто «они» только изъ деликатности, тоестъ изъ страха. Такимъ образомъ выходитъ, что все это, несмотря на самобіеніе и самооплевываніе, страдаетъ величайшимъ самодовольствомъ и въ этомъ самодовольствѣ <д. 2> блаженствуетъ, и не хочетъ выходить изъ своего блаженства — а Вы зовете его на серьезныя мысли, на зрѣлища, потрясающія нервы, въ атмосферу тяжкаго страданія, среди которой сіяютъ любовь и прощеніе, такъ дивно понятыя Вами. И все это начинаетъ дрожать за свое блаженство, и боится Васъ, и отрецивается, и говоритъ, что слова Ваши непонятны. Вѣдь тяжело сознаться, что все, о чемъ Вы пишете, существуетъ, потому что тогда нужно очнуться и дѣйствовать; вѣдь пріятно себя успокоить тѣмъ, что его не существуетъ, что оно только фантазія писателя; пріятно увѣриться, что есть Буффъ, романы Бэлло и какая нибудь Бобарыкиновщина¹, которую можно читать незадумываясь.

А тѣ, которые думаютъ?! — Вы знаете до чего додумалось и додумывается большинство изъ нихъ.

Мнѣ такъ много хочется сказать Вамъ; но я сознаю, что это невозможно. Нужно кончить. Я повторяю, что Вы имѣете на мою жизнь огромное вліяніе, что я никогда не

---

¹ Так в подлиннике.

ставиль Вашего имени рядомъ съ другими современными именами, что я вижу въ твореніяхъ Вашихъ яркій пламень генія, и преклоняюсь передъ Вами, и глубоко люблю Васъ. У меня еще все впереди и, быть можетъ, и мнѣ удастся сказать свое слово; но мнѣ нужна опора и за этой опорой обращаюсь я къ Вамъ, геніальный учитель. Если для Васъ могутъ что нибудь значить восторгъ мой и любовь моя, то позвольте мнѣ прійти къ Вамъ. Мой адресъ: Почтамтская улица, домъ № 14, квартира № 14.

Съ глубокимъ уваженіемъ и искренней преданностью
остаюсь покорнымъ слугой Вашимъ

Вс<.> Соловьевъ

28го Декабря 1872го года. <л. 2 об.>

Источник текста: НИОР РГБ. Ф. 93.П.8.122. Л. 1–2 об.

<Из Петербурга. В Петербург.>

Упоминается: *Описание*, 486; с цитатами — *Летопись*, II, 327.

Впервые напечатано: *Письма*, III, 299–300.

Публикуется по автографу.

Комментарии:

Я только что узналъ, что Вы здѣсь и спѣшу писать, покуда хватаетъ храбрости. — Ср. дневниковую запись Вс. С. Соловьева от 1 января 1873 г.: «Несколько дней тому назад, когда я узнал, что он (Достоевский. — *Ред.*) делается редактором “Гражданина” и что, стало быть, находится в Петербурге, я, как сумасшедший, кинулся подписаться на “Гражданин” и узнать его адрес. Я сел и писал всю ночь человеку, которого не знаю» (*ЛН*, 86, 422).

...нѣту еще трехъ лѣтъ какъ окончилъ курсъ кандидатомъ правъ въ Московскомъ Университетѣ ~ служу во II Отдѣленіи Собственной Канцеляріи. — Вс. С. Соловьев закончил Московский университет в 1870 г.; в том же году он поступил на службу во II Отделение Собственной Его императорского величества канцелярии.

...я получилъ только что вышедшій № Русскаго Вѣстника, въ которомъ Вы подтвердили мою мысль и сказали почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ то, что я говорилъ имъ. — Описанный Вс. С. Соловьевым его разговор с товарищами по университету имеет соответствие в романе «Идиот» (ч. II, гл. IV) в сцене, где князь Мышкин рассказывает Рогожину о своем знакомстве и разговоре с одним ученым-атеистом: «Утром ехал по одной новой железной дороге и часа четыре с одним С—м в вагоне проговорил, тут же и познакомился. Я еще прежде о нем много слыхивал и, между прочим, как об атеисте. Он человек действительно очень ученый, и я обрадовался, что с настоящим ученым буду говорить. <...> В Бога он не верует. Одно только меня поразило: что он вовсе как будто не про то говорил, во всё время, и потому именно поразило, что и прежде, сколько я ни встречался с неверующими и сколько ни читал таких книг, всё мне казалось, что и говорят они и в книгах пишут совсем будто не про то, хотя с виду и кажется, что про то». Показательно, что реакция собеседника Мышкина на высказанное им замечание также схожа с реакцией студентов на слова Вс. С. Соловьева: «Я это ему тогда же и высказал, но, должно быть, неясно или не умел выразить, потому что он ничего не понял...» (*ДЗ*, 8, 182–183). Глава IV части II романа «Идиот» помещена в № 5 «Русского Вестника», вышедшем 4 июня 1868 г. (см.: *Летопись*, II, 181); следовательно, случай, о котором пишет Вс. С. Соловьев, может быть отнесен к середине мая 1868 г.

...есть Буффъ, романы Бэлло и какая нибудь Бобарыкиновщина... — Буфф (от итал. *buffo* — шутовской, комический) — театральный жанр; пьеса, построенная на смешных, шуточных положениях. В С.Петербурге театр «Буфф» был открыт в сентябре 1870 г. Бэлло, точнее, Бело (Belot) Адольф (1829–1890) — французский драматург и прозаик, автор нескольких бульварных романов эротического содержания. Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921) — плодовитый русский писатель, журналист, театральный деятель.

...быть может, и мнѣ удастся сказать свое слово... — Исторические романы Вс. С. Соловьева имели в 1870–1890е гг. значительный успех у читателей и неоднократно переиздавались. Эти произведения, однако, относятся к легкому жанру литературы, представителей которого начинающий писатель порицает в комментируемом письме Достоевскому.